

«КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ» В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI В. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА

Виктор Лаврентьевич Ларин

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Владивосток, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 октября 2019 <i>Принята к печати:</i> 10 марта 2020	Аннотация: В статье на основе сравнительно-сопоставительного метода анализируется взаимодействие трёх субъективных и объективных реальностей, занимающих важное место в современных российско-китайских отношениях. Виртуальные представления о масштабах китайского присутствия на Дальнем Востоке России сопоставляются с выказываемыми российскими властями и населением этого региона настроениями и пожеланиями относительно вовлечения Китая в экономическое развитие региона и соотносятся с реалиями экономической и демографической жизни восточных районов России во втором десятилетии 21 в. В первой части статьи автор выявляет различные истоки, современные проявления и интерпретации фантома «китайской угрозы», анализирует взгляды и подходы российского федерального центра, властей и населения Тихоокеанской России в отношении китайского экономического и демографического присутствия в регионе. Делается вывод о, в целом, позитивном настрое и власти, и населения в отношении этого явления. При этом отмечается, что в сознании российских властей и населения прочно закрепились определенные ограничители к тесному сближению с Китаем, которые сказываются на конкретных решениях и действиях местных властей и бизнеса. Вместе с тем наблюдается достаточно прохладное отношение китайских властей и крупного бизнеса к внедрению в экономику этого региона России. Во второй части статьи на основе официальной статистики показываются реальные проявления китайского участия в экономической жизни Тихоокеанской России: динамика, масштабы и структура межрегиональной торговли, объемы и характер китайских инвестиций, гуманитарный обмен и движение трудовых ресурсов через линию границы. Эта статистика убедительно показывает очень незначительные масштабы китайского экономического присутствия и влияния в регионе. Сравнительно-сопоставительный подход позволяет автору сделать вывод о глубоком разрыве между прогнозами экспертов и интуитивными российскими страхами о расширении «китайской экспансии» в России, намерениями российских и китайских политиков увеличить вклад КНР в развитие Тихоокеанской России, и реальными масштабами этого участия.
Об авторе: Академик РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук e-mail: victorlar@mail.ru	
Ключевые слова: Тихоокеанская Россия; Китай; китайская угроза; торговля; инвестиции; китайская рабочая сила	

«Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!»

А.С. Пушкин

На протяжении без малого трёх последних десятилетий «китайская экспансия на Дальнем Востоке России» является одним из самых популярных сюжетов научных публикаций и журналистских расследований, посвященных как российско-китайским от-

ношениям, так и истории и современной жизни Тихоокеанской России. В пору наивысшего накала страстей журналисты писали о миллионах китайцев, заполонивших Сибирь, приграничных поселках, уже наполовину населенных гражданами Поднебесной. Страхы оказались сильно преувеличены, но они дали пусть для кого-то неожиданный, но закономерный и положительный результат. Прямое обращение российской власти к

проблемам российского Дальнего Востока и принятие принципиального решения о необходимости его ускоренного экономического развития, увеличении численности его населения были, в значительной степени, стимулированы обостренным вниманием Кремля к внешним угрозам и опасениями потерять этот регион России¹.

Однако параллельно с этим существовала противоположная тенденция: экономическая целесообразность заставляла местные власти (вне зависимости от их отношения к Китаю) искать способы и пути использования гигантского потенциала этой страны для развития собственных территорий. Примером могут служить высказывания губернатора Хабаровского края доктора экономических наук В.И. Ишаева, который на официальных совещаниях «рисовал апокалипсическую картину постепенного вхождения российского Дальнего Востока в границы Китая»², но в научных работах писал о необходимости формирования единого экономического пространства между российским Дальним Востоком и Китаем, интеграции Дальнего Востока в АТР через втягивание Китая в экономику региона³. Аналогичную позицию занимал губернатор

Приморского края Е.И. Наздратенко, жестко выступавший против демаркации границы с КНР, но при этом заявлявший, что Россия и Китай «обречены на экономическое сотрудничество»⁴.

К концу первого десятилетия нынешнего века китайское демографическое присутствие в России в целом и её восточных районах в частности по разным причинам заметно сократилось. Тема «жёлтой опасности» была постепенно вытеснена из медийного пространства более горячими сюжетами: Украиной, Сирией, политическими коллизиями в США. Но тогда же задача развития российско-китайского межрегионального сотрудничества по-настоящему озаботила верхние этажи российской власти и воплотилась в целую серию межгосударственных соглашений. Однако подозрительное и осторожное отношение россиян к Китаю, китайцам и китайскому присутствию в России сохранилось. Строительство нефте- и газопроводов из России в КНР, китайский интерес к пахотным землям Дальнего Востока и первые робкие китайские инвестиции в его экономику дали новые поводы для обвинения Пекина в «экономической экспансии».

Атмосфера подозрительности и тревоги не может не порождать настороженности, нерешительности, непоследовательности и даже двойственности в решениях и действиях политических и властных структур России в отношении КНР. Совершенно очевидно, что настороженность и недоверие к Китаю не идут на пользу ни российской внешней политике в целом, ни российско-китайским отношениям, ни попыткам Москвы кардинально изменить облик и участь Тихоокеанской России. Необходимы объективный анализ китайских интересов на востоке России, планов и политики Пекина и приграничных с Россией территорий КНР, реального присутствия и участия Китая в экономической и социальной жизни этого российского региона.

Именно в этом русле и выстроена архитектура данной статьи. Она начинается с описания «угроз со стороны Китая», которые

¹ См.: Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России. М.: Московский центр Карнеги. 2013. 25 с. [Larin, V.L. Vneshniaia ugroza kak dvizhushchaia sila osvoeniia i razvitiia Tikhookeanskoi Rossii (External threat as a driving force for Pacific Russia development). Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi, 2013. 25 p.]

² Известия. 1999, 7 июля. [Izvestiia, 1999, July, 7.]

³ Ишаев В.И. Стратегическое планирование регионального экономического развития. Владивосток, 1998. ДВО РАН. С. 115-118 [Ishaev, V.I. Strategicheskoe planirovanie regional'nogo ekonomicheskogo razvitiia (Strategic Planning of Regional Economic Development). Vladivostok: DVO RAN, 1998. Pp. 115-118]; Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. С. 147-150 [Ishaev V.I., Minakir P.A. Dal'nii Vostok Rossii: real'nosti i vozmozhnosti ekonomicheskogo razvitiia (The Russian Far East: Realities and Opportunities for Economic Development). Khabarovsk: DVO RAN. 1998. P. 147-150].

⁴ Владивосток. 1995, 21 марта. [Vladivostok, 1995, March, 21.]

вскрывают апологеты «китайского заговора против России», затем переносит внимание читателя на политическое и нормативно-правовое обеспечение китайского вовлечения в экономическую жизнь российского Дальнего Востока и завершается сравнительным анализом экономического и демографического присутствия и влияния Китая в этом регионе.

Нагнетание страхов: горе от ума или кому это выгодно?

Тему китайской экспансии в России и «широкомасштабного освоения китайцами сибирских просторов»⁵ российские и зарубежные СМИ активнейшим образом обсуждали в начале 1990-х годов. Пугающие истории о заполонивших восточные районы миллионах китайцев дополнялись апокалипсическими сюжетами о скупке сынами Поднебесной земли и недвижимости, вывозе ими валюты и стратегического сырья из России, подчинении ими российской экономики, браконьерстве, контрабанде, хищническом промысле в российских лесах и пр.⁶ Под влияние этой волны попадали и серьезные ученые. С. Хантингтон даже предсказал вторжение китайских войск в Сибирь к 2010 г. в целях «защиты многочисленных китайских поселенцев» и оккупацию ими Владивостока, Приамурья и ключевых областей Восточной Сибири⁷.

В начале XXI в. алармистские сценарии о скором овладении Дальнего Востока России Китаем оставались не менее популярными.

Как и на пике наплыва китайцев в Россию в 1990-е годы, доминировали версии демографической экспансии. В 2000 г. американская разведывательно-аналитическая компания *Stratfor* даже умудрилась предсказать, что к 2020 г. китайцы станут доминирующей этнической группой на Дальнем Востоке⁸. Подлило масла в огонь и эмоциональное высказывание В. Путина о перспективах развития этого региона: «если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, – заявил Президент на границе с Китаем, в Благовещенске летом 2000 г., – то тогда даже исконно русское население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китайском, корейском языках»⁹. После того, как в декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности РФ Президент назвал ситуацию в регионе критической и угрожающей национальным интересам государства¹⁰ политики в голос заговорили о «геополитическом удержании» Дальнего Востока, политологи — об угрозах хозяйственного и культурного освоения территории «другими международно-правовыми субъектами»¹¹, а интернет на-

⁵ Тарасов А. Сибирь – только для русских? (Tarasov, A. Siberia – only for the Russians?) // Известия, 2 ноября 1993. [*Izvestiia*, 1993, November, 2.]

⁶ Подробнее см. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 72-80. [Larin, V.L. *Kitai i Dal'nii vostok Rossii v pervoi polovine 90-kh: problem regional'nogo vzaimodeistviia* (China and the Russian Far East in the first half of the 90s: Problems of Regional Cooperation). Vladivostok: Dal'nauka, 1998. Pp. 72-80.]

⁷ Huntington, S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon & Schuster, 1996. P. 314.

⁸ Russian Far East Turning Chinese? / Stratfor, July 2000. Mode of access: <https://www.stratfor.com/analysis/russian-far-east-turning-chinese>

⁹ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья» (Putin, V.V. Opening address at the meeting “On the prospects for the development of the Far East and Transbaikalia”) // Президент России, 21 июля 2000. Благовещенск. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>

¹⁰ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности (Putin V.V. Opening address at a meeting of the Security Council) // Президент России, 20 декабря 2006. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23965>

¹¹ Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: Сб. материалов. М.: Изд. Совета Федерации, 2008. С. 23. [Dal'nevostochnyi region v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossii: problem i puti ikh resheniia: Sb. Materialov (The Far Eastern Region in the Socio-Political Space of Russia: Problems and Ways to Solve Them: Collection of materials. Moscow: Izd. Soveta Federatsii, 2008. P. 23); Виноградов А.В. Россия в АТР: но-

полнился рассуждениями о нарастающей демографической и грядущей военной экспансии Китая. Не отставали в нагнетании страстей и зарубежные эксперты¹².

Сторонники идеи «китайской экспансии» активно обсуждали территориальные претензии Китая к России, попытки Пекина «вовлечь Россию в зону своего влияния»¹³, «растущее экономическое влияние Китая на Дальнем Востоке». Некоторые из них даже утверждали, что регион «станет де-факто провинцией Китая»¹⁴, «жизненным пространством КНР», которое будет захвачено силой¹⁵. Антикитайская тема стала модной среди российских журналистов. В ноябре 2005 г. «Комсомольская правда» сообщила, что Китай ежегодно «забрасывает к нам на постоянное жительство около миллиона соотечественников»¹⁶. Сообщалось и

о том, что Китай уже «вмешивается в управление нашими территориями, финансирует выборы, избирательные компании, мэров городов, ведет подкуп чиновников и представителей власти. Появляется политическая и экономическая элита, скупленная Китаем и обслуживающая его интересы»¹⁷. Отдельные чрезмерно впечатленные растущей мощью Поднебесной комментаторы предрекали, что «через пять лет Китай нападёт на Россию»¹⁸. Апофеозом антикитайской истерии стал документальный фильм эпатажной, жесткой, но по своему честной журналистки Е. Масюк «Иероглиф дружбы» (2003 г.), не признанный центральными каналами, но показанный некоторыми региональными.

После заключения крупнейшей в истории энергетической сделки между Россией и Китаем, которую западные исследователи тут же поспешили дискредитировать¹⁹, фокус «китайской угрозы» переместился на превращение Дальнего Востока в «ресурсный придаток» или «ресурсную колонию Китая»²⁰. К фантому китайского «демографического давления»²¹, который, несмотря

вые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: Сб. материалов. М.: РИСИ, 2011. С. 6. [Vinogradov, A.V. Rossiia v ATR: novye tseli i zadachi // Rossiia v ATR: problem bezopasnosti i sotrudnichestva: Sb. Materialov (Russia in the Asia-Pacific Region: New Goals and Tasks // Russia in the Asia-Pacific Region: Problems of Security and Cooperation: Collection of materials). Moscow: RISI, 2011. P. 6.]

- ¹² Kim, Iskyan. Selling Off Siberia. Why China should purchase the Russian Far East / Slate, July 2003. Mode of access: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/foreigners/2003/07/selling_off_siberia.html; Pirchner, H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century // *Demokratizatsiya*, 2008, No. 4. pp. 314-317; Raiklin, E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2008, No. 2, pp. 145-204.
- ¹³ Piontkovsky A. China's Threat to Russia / Project Syndicate, August 2007. Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-threat-to-russia>
- ¹⁴ Nemets A.V., Scherer J.L. China's 'Takeover' of Russia's Far East // *The World & I*, 2004, No. 2 p. 60.
- ¹⁵ Bolton, K.R. Russia and China an Approaching Conflict? // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2009, No. 2, p. 176.
- ¹⁶ Штешин Д. Иноземцы уже съели юг и центр страны. На очереди Сибирь (Steshin, D. Foreigners Have Already Eaten the South and Center of the Country. Siberia is Next in Turn) // *Комсомольская правда*, 8 ноября 2005. С. 1.

- ¹⁷ Полунин А. Китай расширяется: Сначала Тайвань, потом Сибирь и Дальний Восток (Polunin A. China is Expanding: First Taiwan, then Siberia and Far East) // Электронная газета Свободная пресса, 28 июня 2010. Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/27045/>
- ¹⁸ Греков Я. Китай нападет на Россию через 5 лет (Grekov, Ia. China Will Attack Russia in 5 Years) // Русский журнал, 27 марта 2007. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kitaj-napadet-na-Rossiyu-cherez-5-let>
- ¹⁹ См: Blank, Stephen. Pipeline to Nowhere. The Beijing-Moscow Dance Continues // *World Affairs*, 2012, March-April, Vol. 174, Iss. 6, pp. 93-100.
- ²⁰ Rozman, G. The Russian Pivot to Asia / *The Asian Forum*, Vol. 2, No. 6, November-December 2014. Mode of access: <http://www.theasanforum.org/the-russian-pivot-to-asia/>; Mankoff, J. US Perspective / *The Asian Forum*, July 25, 2014. Mode of access: <http://www.theasanforum.org/us-perspective-3/>
- ²¹ Tîmoveanu, D. Russia, China and the Far East Question: Are there any Chinese 49ers around? // *The Diplomat*, January 20, 2016. Mode of access: <http://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/>

на очевидное снижение масштабов китайского присутствия в России, продолжал кочевать из публикации в публикацию на Западе, добавились предупреждения о Китае как «величайшей угрозе российскому присутствию на Востоке»²². Некоторые московские и зарубежные журналисты и доморожденные «эксперты» подогревали атмосферу страха, раскрывая «секретные планы Пекина» в отношении Дальнего Востока, сообщая о его намерениях увеличить число китайских поселений и китайской собственности в регионе²³. Выгоду для Китая попытались обнаружить и в политике Кремля по созданию территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток. Журналист Д. Мурашов увидел в Законе о ТОРах «разбазаривание России, наших полезных ископаемых, наших ресурсов – на благо соседней страны»²⁴. Попытки местных властей поправить экономическое положение своих регионов за счет сдачи пахотных земель в аренду китайцам также вызывали бурные всплески негодования «патриотов» и националистов.

Примеры можно продолжить. Накопленный массив страшилок о «китайской экспансии» на Дальнем Востоке велик. К этой теме периодически обращаются люди, кого по-настоящему волнует будущее этого российского региона, но кто весьма далёк от понимания интересов и политики Китая. Кое-кто использовал скандальные публикации о «китайской угрозе», чтобы

пробить себе дорогу на подиум. Некоторые искренне в это верят. Эту тему с удовольствием эксплуатируют противники нынешней российской власти, обвиняя Президента России и его ставленников в регионах в разбазаривании российских земель и потакании китайской экспансии²⁵. Наконец, её активно развивают в тех столицах евразийского и американского континентов, где усматривают в укреплении позиций Китая на пространствах азиатской России угрозы своим экономическим интересам и по-настоящему опасаются укрепления российско-китайского военно-политического альянса.

Весьма примечательно, что в последнее десятилетие публикации на тему «китайской угрозы» преимущественно исходят отнюдь не из восточных районов России. Может быть, местные жители и эксперты эту угрозу просто не замечают? Или увидели в Китае альтернативу беспомощной российской власти, чьи потуги хотя бы остановить депопуляцию и социальную деградацию региона оказываются тщетными? Интересно вспомнить, что в том же году, когда *Stratfor* пугал китайской экспансией, дальневосточные эксперты сделали свой вывод, озвученный прессой Владивостока: «Жёлтая опасность» – это «политический ужастик,

²² Bowen, A.S.; Rodeheffer, L. Is Russia Losing Control of Its Far East? // *The Diplomat*. October 1, 2013. Mode of access: <http://thediplomat.com/2013/10/is-russia-losing-control-of-its-far-east/>

²³ Храмчихин А. Дракон проснулся? Внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. М.: «Ключ-С», 2015. С. 43-51 [Khramchikhin, A. Drakon prosnulsia? Vnutrennie problem Kitaiia kak istochnik kitaiskoi ugrozy dlia Rossii (Did the Dragon Wake up? China's Internal Problems as a Source of the Chinese Threat to Russia). Moscow.: «Kliuch-S», 2015, pp. 43-51.]

²⁴ Мурашов С. Распродажа России. Пока в розницу (Murashov S. Sale of Russia. While retail) // Сноб, 5 января 2015. Режим доступа: <https://snob.ru/profile/25185/blog/86111>

²⁵ В декабре 2014 г. экс-редактор «Российской газеты», откровенный националист, привлекавшийся к судебной ответственности за антисемитизм Б. Миронов обвинил президента РФ Владимира Путина в том, что он отдал в аренду КНР 4 миллиона гектаров земли в пяти районах Забайкальского края (Основатель «Российской газеты» обвинил Путина в сдаче в аренду КНР 4 млн га в Забайкалье (The Founder of Rossiyskaya Gazeta Accuses Putin of Leasing China 4 million Hectares in Transbaikalia) // Чита.ру, 6 декабря 2014. Режим доступа: <https://www.chita.ru/news/67878/>). А годом позднее уже депутат Госдумы от Забайкальского края, член фракции КПрФ потребовал отставки губернатора края за намерение местных властей сдавать землю в аренду китайцам (КПрФ: Следующим губернатором Забайкалья станет китаец (Communist Party: The Next Governor of Transbaikalia Will Be a Chinese) // ZAB.RU, 17 декабря 2015. Режим доступа: https://zab.ru/news/82088_kprf_sleduyucshim_gubernatorom_zabajkalya_stanet_kitacec).

поставленный ориентированными на Запад столичными деятелями, силовиками и китаефобами»²⁶.

Реалии сегодняшней жизни показывают, что акценты власти сменились с минуса на плюс: китайское участие в развитии Дальнего Востока почитается за благо. Но вот энтузиазм Китая в этом направлении существенно снизился.

Политический и идеологический фундамент китайского присутствия: интересы, декларации, намерения

Атмосфера для китайского присутствия в тихоокеанской России формируется как бы в трёх областях: через видение и нормотворческую деятельность центральных правительств, осмысление проблемы властями приграничных территорий и общественное мнение этих территорий.

Центральная власть

Текущая риторика Кремля поощряет любые взаимодействия с КНР, способные содействовать экономическому развитию Тихоокеанской России. Китай в современном концепте Кремля об «интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион» предстаёт, с одной стороны, как главный вкладчик в развитие Дальнего Востока, с другой, – как важный потребитель его природных и логистических ресурсов. Эта идея достаточно пространно, хотя и абстрактно, представлена в *Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.* Стратегия предполагает широкомасштабный выход на энергетические, природно-сырьевые, туристические рынки «Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона», «интеграции транспортной системы РФ в международную транспортную систему АТР»²⁷.

²⁶ «Страшные китайцы» (“The Scary Chinese”) // Новости, 15 сентября 2000.

²⁷ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Dal'nego Vostoka i Baikal'skogo regiona na period do 2025 goda (The Strategy of Socio-Economic Development of the Far East and the Baikal Region for the

Стратегия даже содержит специальный раздел: «Приграничное сотрудничество субъектов РФ с северо-восточными провинциями Китая и Монголией, а также экономическое взаимодействие с другими странами Северо-Восточной Азии», в котором зафиксирована роль Дальнего Востока и Байкальского региона «как центра экономического партнерства Российской Федерации» с этими государствами. Слова «Китай», «китайский» в этом документе встречаются 90 раз. Это в три раза чаще, чем в нём упоминается Япония.

В 2012 г. призыв действовать «китайской потенциал в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока» прозвучал уже из уст российского президента²⁸. Вскоре после этого обострение отношений России с Западом и проводимая последним политика антироссийских санкций сделали вопрос о китайском финансовом участии в намеченном «подъеме Дальнего Востока» как никогда актуальным. С июля 2015 г., когда полпред Президента по Дальнему Востоку Ю. Трутнев признался, что напрямую призывал потенциальных китайских инвесторов вкладывать в Дальний Восток²⁹, на различных правительственных совещаниях по развитию этого региона Китай стал фигурировать как самый главный партнёр и даже локомотив его ускоренного развития, причём уже не столько как потребитель местной продукции, сколько как потенциальный инвестор. В январе 2017 г. тогдашний министр по развитию Дальнего Востока А. Галушка сообщил прессе, что министерство подготовило и передало китайской стороне предложение о создании Дальневосточного центра поддержки инвесторов и предпринимателей из Китая³⁰.

Period until 2025)]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/f1d12cbe15c5cddd0ac61a818831f10e1f7c4d/

²⁸ Путин В.В. Россия и меняющийся мир (Putin V.V. Russia and the Changing World) // Российская газета, 27 июня 2012.

²⁹ Юрий Трутнев: мы будем конкурировать с Гонконгом и Сингапуром (Yuri Trutnev: We Will Compete with Hong Kong and Singapore) // ТАСС, 28 июля 2015. Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/2145866>

³⁰ Александр Галушка: Развитие Дальнего Востока – приоритетное направление для Рос-

Какова реакция китайских властей и бизнеса на эти призывы? Как оказалось, весьма вялая, особенно со стороны центральной власти и крупного бизнеса.

Политическое руководство КНР внешне уходит от обсуждения этой темы, никак не обозначая свой интерес к Тихоокеанской России. Причин для этого несколько. Во-первых, в условиях растущей напряженности в отношениях с США, в Южно-китайском море, непростых отношений с некоторыми соседями мирная и спокойная граница с Россией (каковой она сегодня является) рассматривается в Пекине как один из главных факторов обеспечения безопасности КНР. В Чжуннаньхае делают всё возможное, чтобы такие отношения вдоль границы сохранялись, и стараются не давать поводов для появления всяких домыслов и конспирологических теорий. Во-вторых, природно-сырьевые ресурсы Тихоокеанской России не являются стратегически значимыми для обеспечения сырьевой безопасности Китая. В китайском импорте доля дальневосточных нефти и нефтепродуктов составляет менее 1% (в 2018 г. 2,7 из 460 млн т.), угля – менее 2%, древесины и изделий из нее – менее 4%. Тихоокеанская Россия заметна лишь в китайском импорте рыбы и морепродуктов (1 млн т. или 12,2% от всего импорта в 2018 г.), но это составляет лишь 1,5% от общего объема производства морепродуктов в стране³¹. В-третьих, эта обширная, но малонаселенная территория, где проживает меньше людей, чем в г. Харбине, не представляет для Китая особого интереса как рынок сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Тем не менее, Пекин позитивно реагирует на стремление Кремля привлечь Китай к развитию Тихоокеанской России, что нашло отражение в ряде межгосударственных соглашений. Первым из них стала Программа сотрудничества между регионами

сии (Aleksandr Galushka: The Development of the Far East Is a Priority for Russia) Примедиа // 9 января 2017. Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/561146/>

³¹ Подсчитано на основе: <http://dvtu.customs.ru/statistic/>; <https://comtrade.un.org/data/>

Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-востока КНР на 2009-2018 г. Коекто в Кремле всерьез рассматривал эту программу как инструмент для вывода продукции Дальнего Востока на китайские рынки и привлечения китайских капиталов для освоения и последующего экспорта ресурсов Дальнего Востока.

В итоговом документе российско-китайского Саммита 2015 г. записано, что «*Российская Сторона приветствует участие Китайской Стороны в проектах на территориях опережающего развития на российском Дальнем Востоке*»³². Последними рамочными документами двустороннего уровня, призванными привлечь Китай к освоению ресурсов Тихоокеанской России, стали *Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018-2024 годы и План развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая*³³, которые в ноябре 2018 г. подписали Д. Медведев и Ли Кэцян. Задача их реализации вошла в текст Совместного российско-китайского заявления от 5 июня 2019 г.³⁴

³² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества (A Joint Statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on Deepening Comprehensive Partnership and Strategic Interaction and on Promoting Mutually Beneficial Cooperation) // Президент России, 8 мая 2015. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4969>

³³ План развития сельского хозяйства на начало осени 2019 г. обнаружен не был.

³⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. (A Joint Statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Interaction Entering a New Era) // Президент России, 5 июня 2019. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5413>

Региональные власти

Взгляды региональных администраций Тихоокеанской России на роль и место Китая в развитии своих территорий наилучшим образом представлены в стратегиях их развития. Пакет таких региональных стратегий, разработанный в 2012-2013 годах, свидетельствует, что практически все они рассматривают Китай как важное, а для приграничных с КНР Забайкалья, Амурской и Еврейской автономной областей – наиважнейшее направление экономического взаимодействия, но при этом имеют серьезные опасения относительно последствий расширения китайского экономического присутствия³⁵.

В новых стратегиях развития регионов, датированных 2016-2018 гг., особенно отдаленных от КНР северных территорий, иллюзий в отношении китайского участия заметно меньше, а опасения сохраняются. Например, в стратегии Хабаровского края намерение сотрудничать с Китаем в развитии экономического пространства «Нового Шелкового пути» соседствует с опасением «превращения края в сырьевой придаток развивающихся стран Северо-Восточной Азии» и напоминанием об угрозах со стороны Китая через «ассимиляцию населения и разрушение экологии»³⁶. Об угрозе повы-

шения зависимости от китайского капитала, а также «агрессивной миграционной и экономической политике сопредельных китайских регионов», которая «уже в настоящее время является существенным вызовом для органов управления в области» говорится в стратегии развития Еврейской автономной области до 2030 г.³⁷ Такое видение Китая порождает осторожное и нередко двойственное поведение региональных властей в выстраивании с ним отношений и дает основание китайской стороне обвинять эти власти в разжигании антикитайских настроений³⁸.

Для приграничных с Россией территорий КНР: провинций Хэйлуцзян, Цзилинь и автономного района Внутренняя Монголия экономические связи с Россией представляют безусловный интерес, особенно в свете нынешних экономических трудностей, который испытывают эти провинции³⁹. В рамках политики «внешней открытости» их руководители ищут возможности использовать транспортно-логистический и сырьевой потенциал Сибири и Дальнего Востока для развития своих территорий и получают в этом полную поддержку центра. В 2012 г. правительство КНР утвердило два доку-

<http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate/201719122>

³⁵ Подробнее см.: Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 260 [Tikhookeanskaia Rossiia v integratsionnom prostranstve Severnoi Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeistviia / pod red. chl.-korr. РАН, professora V.L. Larina (Pacific Russia in the Integration Space of the North Pacific at the Beginning of the XXI Century: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Interaction / ed. by Prof. V.L. Larin. Vladivostok: IAE FEB RAS, p. 260.]

³⁶ Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года [Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Khabarovskogo kraia na period do 2030 goda (Strategy of Social and Economic Development of the Khabarovsk Territory for the period until 2030)]. Режим доступа:

³⁷ Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2030 года. [Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Evreiskoi avtonomnoi oblasti na period do 2030 goda (Strategy for the Socio-Economic Development of the Jewish Autonomous Region for the period until 2030). Режим доступа: <http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/>

³⁸ 人口数量虽剧降俄罗斯远东地区仍抗拒中国移民 (Although Population Has Declined Sharply, the Russian Far East Continues to Resist Immigration from China). Режим доступа: <http://www.renkou.org.cn/countries/eluosi/2016/6044.html> (на китайском).

³⁹ 丝绸之路经济带建设与中国边疆稳定和发展研究. 邢广程主编. 北京产权出版社, 2019. С. 164. (Study of the Construction of Silk Road Economic Belt and the Stability of China's Borders. Xing Guangcheng ed. Beijing Chanquan chubanshe, 2019. 164 p.) (на китайском).

мента, направленных на стимулирование международных экономических связей СВК с зарубежными партнёрами, включая Россию: «Программу реализации в северо-восточном регионе Китая политики открытости в отношении Северо-Восточной Азии (2012-2020 гг.)»⁴⁰ и «Некоторые предложения Госсовета по созданию (Хуньчуньской) показательной зоны международного сотрудничества в китайской части бассейна р. Тумэньцзян»⁴¹. Именно эти документы сегодня определяют контуры политики северо-восточных провинций в отношении Тихоокеанской России. И акцент в обоих сделан на использование транспортной инфраструктуры этого российского региона.

Первая программа предполагает развитие сети транспортных магистралей в направлении границы с Россией, которые не только должны связать внутренние районы Китая с пограничными пунктами пропуска, но и обеспечить трансрегиональные перевозки. Второй документ нацелен на создание зоны ускоренного экономического развития на китайской части бассейна р. Туманной (г. Хуньчунь и близлежащие районы пров. Цилинь) и превращение её в платформу сотрудничества Китая со странами Северо-Восточной Азии.

С появлением концепции «Один пояс, один путь» и идеи создания экономического коридора Китай-Монголия-Россия власти этих провинций стали встраивать свои планы в рамки общекитайской идеологии развития. В апреле 2015 г. партком и правительство Хэйлуцзяна утвердили «Про-

грамму строительства экономического пояса хэйлуцзянского мультимодального Шёлкового пути экономического коридора Китай – Монголия – Россия»⁴², целью которого является создание трансграничной транспортной сети через Россию в Европу. В 2016 г. правительство КНР утвердило Программу развития Северо-восточного Китая, приоритетами которой названы международная интеграция в рамках экономического пояса Шёлкового пути и экономического коридора «Китай – Монголия – Россия», а также сопряжение программ развития Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России⁴³.

Эти подходы полностью отразились в планах приграничных провинций на 13-ю пятилетку (2016-2020 гг.). В пятилетнем плане пров. Хэйлуцзян Россия упоминается 60 раз. Уделено внимание инвестициям в российское сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность, добычу природных ресурсов⁴⁴. В пятилетнем плане пров. Цилинь туманганская зона представлена как опорный район экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Его задачей должно стать развитие мультимодальных перевозок, подключение к восточной части газотранспортной системы России, развитие промышленных и сельскохозяйствен-

⁴⁰ 国家发展改革委关于印发中国东北地区面向东北亚区域开放规划纲要（2012-2020年）的通知 (Notification of the State Commission for Development and Reforms on the Publication of the Openness Program of the Northeast Region of China in Northeast Asia (2012-2020)). Режим доступа: <http://www.hlbe.gov.cn/openness/detail/content/54854e686bb4e70429000008.html> (на китайском).

⁴¹ 国务院办公厅关于支持中国图们江区域（珲春）国际合作示范区建设的若干意见 (Some Proposals of the State Council on the Creation of the [Hunchun] Indicative Zone of International Cooperation in the Chinese Part of the Tumenjiang Basin). Режим доступа: <http://policy.mofcom.gov.cn/blank/claw!fetch.action?id=G000139137> (на китайском).

⁴² “中共黑龙江省委黑龙省政府“中蒙俄经济走廊”黑龙江陆海丝绸之路经济带建设规划”摘要 [Summary of the “Program of the Party Committee of Heilongjiang Province CPC and the Heilongjiang Province People’s Government for the Construction of the Economic Belt of Eastern Multimodal Silk Road under the “Economic Corridor China – Mongolia – Russia”]. Режим доступа: <http://hlj.people.com.cn/n/2015/0415/c220027-24503827.html> (на китайском).

⁴³ 中共中央 国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见 (Some Proposals of the CPC Central Committee and the State Council on the Comprehensive Revival of the North-Eastern Region and other Old Industrial Bases). Режим доступа: http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zywj/201604/t20160427_799860.html (на китайском).

⁴⁴ 黑龙江省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 (Heilongjiang Province 13th Five-Year Plan for Social and Economic Development). Режим доступа: <http://www.hlj.gov.cn/szf/system/2016/02/17/010761251.shtml> (на китайском).

ных производств, ориентированных на российский рынок⁴⁵.

В последних программных документах пров. Хэйлунцзян российские регионы продолжают фигурировать в качестве ключевого международного партнера. В докладе губернатора Хэйлунцзяна Ван Вэньтао о работе правительства в 2018 г. раздел «Достижение новых высот в политике открытости» практически полностью посвящен России⁴⁶. Причина ориентации этой провинции на Россию понятна: на долю России приходится 70% её внешней торговли, причём эта торговля в последние три года переживает существенный спад и сегодня находится на уровне 2010 г.

Общественное мнение

Неофициальный дискурс представлений о Китае в Тихоокеанской России столь же противоречив, как и взгляды региональных администраций. Социологические исследования, регулярно проводимые в регионе⁴⁷,

показывают, что КНР по уровню общей привлекательности по-прежнему не занимает лидирующих позиций, но рейтинг и популярность страны последовательно растут. Жители региона оптимистично оценивают характер и перспективы российско-китайских отношений, воспринимают Китай как наиболее желаемого и реального партнера в экономическом сотрудничестве, высказываются за всемерное развитие гуманитарного обмена с этой страной. За первоочередное развитие экономических связей с КНР выступает половина опрошенного населения. Это больше, чем ратуют за развитие таких связей с любой другой страной мира.

В то же время в регионе существует достаточно чётко выраженный и устойчивый сегмент населения (от 20 до 25%), который воспринимает Китай как угрозу⁴⁸. Причинами тому являются как глубокое осознание культурной непохожести двух народов и непростая история приграничных отношений, так и периодически вбрасываемые в информационное пространство сюжеты о «китайской угрозе» в разных её интерпретациях, от экологического терроризма до политической и территориальной экспансии. И хотя, как показывают результаты опросов, степень адаптивности дальневосточников к Китаю и их способность

⁴⁵ 吉林省人民政府关于印发吉林省国民经济和社会发展的第十三个五年规划纲要的通知 (Jilin Provincial People's Government Notice related the Publication of the 13th Five-Year Plan for Social and Economic Development of Jilin Province). Режим доступа: <http://ghs.ndrc.gov.cn/ghwb/dftzgh/201606/P020160616606750244581.pdf> (на китайском).

⁴⁶ 王文涛. 2019年1月14日在黑龙江省第十三届人民代表大会第三次会议上 (Wang Wentao. Speech at the Third Meeting of the Tenth People's Congress of Heilongjiang Province. January 14, 2019. Режим доступа: <http://www.hlj.gov.cn/zwfb/system/2019/01/19/010892241.shtml> (на китайском).

⁴⁷ См.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX-XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с. [Larin, V.L.; Larina, L.L. Okruzhaiushchii mir glazami dal'nevostochnikov: evoliutsiia vzgliadov I predstavlenii na rubezhe XX-XXI vekov (Russia Far East View the World: the Evolution of People's Perceptions and Attitudes at the Turn of the 20-21st Centuries. Vladivostok: Dalnauka, 2011. 312 p.]; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. №2. С. 5-19 [Vostochnaia Aziia v obshchestvennom mnenii Tikhookeanskoi Rossii (po itogam oprosa 2013 g.) (Larin, V.L.;

Larin, L.L. East Asia in the Public Opinion of Pacific Russia (based on a 2013 survey) // Rossiia i ATR, 2014, No. 2, pp. 5-19]; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014-2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 5-29 [Ekspertnoe soobshchestvo Tikhookeanskoi Rossii o vnesnei politike, mezhdunarodnykh otnosheniakh I razvitii Dal'negovostoka (po itogam oprosa 2014-2015 gg.) (The Expert Community of Pacific Russia on Foreign Policy, International Relations, and the Development of the Far East (based on a 2014-2015 survey) // Rossiia i ATR, 2016, No. 1, pp. 5-29.]

⁴⁸ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. №2. С. 29 [Larin, V.L.; Larina, L.L. Kitai v obshchestvennom mnenii zhitelei Tikhookeanskoi Rossii (po itogam oprosa 2017 g.) (China in the Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia (based on a 2017 survey) // Rossiia i ATR, 2018, No. 2, p. 29.]

взаимодействовать с ним за последние два десятилетия заметно выросла, в общественном сознании присутствует настороженное отношение к китайским инвестициям, крупным проектам с участием китайского бизнеса, к присутствию в России китайских предпринимателей, торговцев и рабочих.

Таким образом, на вербальном и документальном уровнях условия для привлечения Китая к экономическому развитию Тихоокеанской России формально существуют. Но при этом нельзя не видеть наличие определенных ограничителей к тесному сближению с Китаем в сознании и поведении российских властей и населения. Китайские эксперты именуют существование таких ограничителей проявлением традиционного великодержавия, имперского мышления и мессианства, которые «естественным образом формируют у россиян чувства собственного превосходства», сильную ксенофобию и иррациональные эмоциональные суждения⁴⁹. Это обстоятельство не может не сказываться, прежде всего, на формах и масштабах экономического взаимодействия на приграничном и межрегиональном уровнях. Как следствие, реальные результаты китайского присутствия в Тихоокеанской России далеки от тех, которые хотели бы видеть российские и китайские власти.

Китайские реалии Тихоокеанской России

Экономическое присутствие

Внешнеэкономические связи Тихоокеанской России серьёзно пострадали вследствие девальвации рубля в 2014 г., падения мировых цен на нефть и санкций США и Евросоюза против России. Снижение стоимостного объема импорта из региона началось в 2014 г. и к 2019 г. составило 48%, экспорт начался сокращаться в 2015 г., в 2016 г. упал на 34%, затем начал восстанавливаться, но в 2018 г. так и не дотянул до уровня 2014 г. (см. Таб. 1).

⁴⁹ 徐帼纒. . 冷战后中国在俄罗斯民意调查中的形象分析 (Xú Guóyǐng. Analysis of China's Image in Russian Opinion Polls after the Cold War) // 北京: 外交学院, 2018. pp. 43-44.]

Торговля с КНР переживала аналогичные метаморфозы, за исключением того, что в 2017 г. импорт ДВФО из Китая начал расти. В результате всех этих пертурбаций, несмотря на то, что стоимостной объем торговли по линии ДВФО – КНР остался на уровне 2012 г., доля Китая во внешней торговле региона выросла: в экспорте – до 24,8, в импорте – до 61,9%.

Значение Китая в экономике различных территорий Тихоокеанской России неодинаково. Более 70% товарооборота ДВФО с Китаем приходится на три территории: Приморский и Хабаровский края и Сахалинскую область. Приморье является своеобразным хабом Тихоокеанской России, через который на большую часть её территории поступает импорт из Китая (в 2018 г. на край пришлось 68% всего импорта ДВФО из КНР). Хабаровский край и Сахалин обеспечивают половину дальневосточного экспорта в эту страну. Однако серьёзная экономическая зависимость от Китая присутствует только у континентальных и пограничных с ним Забайкальского края, Еврейской автономной и Амурской областей, во внешнеэкономических связях которых на КНР приходится более 80% объема (см. Таб. 2).

Экспорт в Китай имеет значение для очень ограниченного числа отраслей экономики региона. Главные экспортные продукты ДВФО – это минеральные продукты (60,7% экспорта в 2018 г.), драгоценности (15,2%), рыба и морепродукты (12,2%), древесина и изделия из неё (4,2%). В этих статьях на долю Китая приходится, соответственно, 16,2, 0,44 и 80%. Таким образом, только лесодобывающая и рыболовная отрасли региона зависят от китайской конъюнктуры. И уж тем более нельзя говорить о превращении Дальнего Востока в «энергетический придаток Китая». Свыше 70% его экспорта энергоресурсов уходит в Южную Корею и Японию.

Импортная зависимость от Китая реально существует. На долю КНР приходится без малого две трети (в 2018 г. – 61,9%) ввозимых регионом из-за рубежа товаров. Поскольку легкая промышленность в регионе фактически отсутствует, то его зависимость от внешних источников исключительно высока. И это касается уже не

Таблица 1

**Доля КНР в торговле ДВФО
(в границах ДВФО 2019 г., в млрд долл. и %)**

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2018/2012 +/-
Весь объем торговли ДВФО (млрд долл.)	38,2	40,0	41,1	28,3	26,0	30,2	34,5	-3,7
Товарооборот с КНР	11,1	11,2	10,3	7,4	7,1	8,9	10,9	-0,2
Доля КНР (%)	29,1	28,0	25,1	26,1	27,3	29,5	31,6	+2,5
Весь экспорт ДВФО	27,0	27,7	29,9	22,0	19,8	23,2	28,2	+1,2
Экспорт в КНР	5,6	5,6	5,6	4,3	4,3	5,7	7,0	+ 1,4
Доля КНР (%)	20,7	20,2	18,7	19,5	21,7	24,6	24,8	+3,7
Весь импорт ДВФО	11,2	12,2	11,2	6,3	6,2	7,0	6,3	-4,9
Импорт из КНР	5,4	5,6	4,7	3,0	2,7	3,3	3,9	-1,5
Доля КНР (%)	48,2	45,9	42,0	47,6	43,5	47,1	61,9	+13,7

Table 1. China's Share in the Far Eastern Federal District Trade
(within the boundaries of the Far Eastern Federal District 2019, in billions of dollars and%)

Таблица 2

**Роль территорий в торговле ДВФО и России с Китаем
(2018 г., с учетом торговли через Гонконг)**

Территория	Объем торговли (млн долл.)			Доля в процентах		
	Общий объем	Экспорт	Импорт	КНР во внешней торговле территории	Территории в торговле ДВФО с Китаем	Территории в торговле РФ с Китаем
Приморский край	4 016,5	1 383,2	2 633,3	53,0	36,8	3,7
Сахалинская обл.	1 900,4	1 861,5	38,9	11,9	17,4	1,7
Хабаровский край	1 863,4	1 611,5	251,9	59,9	17,1	1,7
Забайкальский край	900,5	360,7	539,8	91,7	8,2	0,8
Амурская обл.	569,1	337,8	231,3	83,5	5,2	0,5
Саха (Якутия)	558,0	536,3	21,7	11,3	5,1	0,5
Бурятия	414,7	348,8	65,9	39,3	3,8	0,4
Камчатка	369,8	361,0	8,8	40,3	3,4	0,3
Еврейская АО	169,6	142,5	27,1	94,7	1,5	0,2
Чукотская АО	113,2	91,6	21,6	60,1	1,0	0,1
Магаданская обл.	37,1	15,6	21,5	7,8	0,3	0,03
ДВФО	10 912	7 050	3 862	28,8	100	9,9
РФ	109 657	57 057	52 600			

Table 2. The Role of Territories in the Trade of the Far Eastern Federal District and Russia with China (2018, including trade through Hong Kong)

только продуктов питания и товаров широкого потребления.

В структуре импорта ДВФО преобладают статьи «машины и оборудование» (36% импорта в 2018 г.), пищевые продукты (13,1%), транспортные средства (10%), металлы и изделия из них (9,5%). Во всех этих позициях Китай играет важную роль. В 2018 г. 57% ввезённых регионом машин и оборудования, 51% металлов, по 44% продовольствия и транспортных средств посту-

пило в ДВФО из Китая⁵⁰. Это позволяет констатировать не столько продовольственную, сколько техническую зависимость Тихоокеанской России от Китая.

Все попытки привлечь китайские капиталы к развитию индустриального и аграр-

⁵⁰ Рассчитано на основе: Импорт в Дальневосточный федеральный округ. Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-Y2018-2018/RU07/import/world>; Импорт в Дальневосточный федеральный округ из Китая. Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-Y2018-2018/RU07/import/CN>

ного секторов экономики Тихоокеанской России, о чём российские власти заговорили ещё в конце первого десятилетия XXI века⁵¹, не оказались успешными. И сегодня, несмотря на бравурные реляции чиновников⁵², бума китайских капиталовложений в этот российский регион не наблюдается. При том, что общем объёме китайских ПИ в России доля ДВФО увеличилась с начала 2014 г. по январь 2019 г. с 14,7% до 16,9% и накопленный объём прямых инвестиций из КНР вырос в регионе в 2,5 раза (с 247 до 619 млн долл.)⁵³, доля КНР в общем объёме ПИИ в ДВФО по-прежнему составляет менее 1%. При этом две третьих китайских инвестиций сконцентрированы в Забайкальском крае, где строится единственный на весь ДВФО крупный промышленный объект с китайским капиталом – Амазарский целлюлозно-бумажный комбинат. В созданных в регионе зонах с привилегиями для инвестиций – территориях опережающего развития и свободном порту Владивосток – китайский капитал представлен также скромно: 16,3 млрд руб. (259 млн долл.) в ТОРах и 1,67 млрд руб. (25,7 млн долл.) в Свободном порту Владивосток⁵⁴. По факту в них реализуются

45 проектов, в которые китайский бизнес вложил менее 300 млн долл.

Фактически, китайские предприниматели не реагируют на призывы российской власти вкладываться в создание промышленных предприятий на востоке России. Их интересуется лишь добыча или, в лучшем случае, первичная переработка сырья. А вот китайским инвестициям в аграрный сектор препятствует уже российская сторона. Общественность в России крайне негативно относится к аренде и покупке земли иностранцами и особенно китайцами, поскольку главные пахотные угодья региона лежат вдоль границы с Китаем. В 2015 г. чуть ли не панические комментарии СМИ вызвало решение правительства Забайкальского края сдать в аренду китайской сельхозкомпании 115 тыс. га земли сроком на 49 лет. Общий смысл был таков: «ползучая экспансия Китая в Россию началась», «Роди́ну продают по кускам»...⁵⁵ И хотя эксперты приходят к выводу, что сообщения СМИ о «захвате земли» китайцами и «других отвратительных практиках» больше шума, чем реальность⁵⁶, а «негативные» воздействия более проявляются в социально-нормативной и политической сферах, чем в экономике⁵⁷, психологический барьер на этом пути возведен основательный.

Демографический фактор

Тема китайской миграции в России вообще и в её восточных районах в частности, очень популярная в 1990-е и начале 2000-х, сегодня практически исчезла из повестки научных исследований. Причиной тому стала её политическая и научная неактуальность. Число граждан КНР, имеющих действующее разрешения на работу в России, сократилось с 71,3 тыс. в 2013 до 37,4 тыс. в 2018 г.⁵⁸ В статистических бюл-

⁵¹ Blank, S. Partnership of Convenience: Understanding Russo-Chinese Relations / Critical Threats, June 2009. Mode of access: <https://www.criticalthreats.org/analysis/partnership-of-convenience-understanding-russo-chinese-relations-1>

⁵² По недавнему утверждению Ю. Трутнева, в территориях опережающего развития и свободного порта Владивосток реализуется 45 проектов с участием инвесторов из Китая с объемом инвестиций 2,6 млрд долл. США и «ведется активное взаимодействие» по 35 инвестиционным проектам на сумму 17,8 млрд долл. [В Пекине прошла межсессионная встреча 8 мая 2015 г. (Intersessional meeting took place in Beijing) // Региональная Россия, 26 апреля. Режим доступа: <http://www.regross.ru/content/news/10466/>

⁵³ Прямые инвестиции в Российскую Федерацию [Direct Investments in the Russian Federation]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

⁵⁴ Корпорация развития Дальнего Востока. Отчет за 2018 год. С. 12-14, 20-22 [Corporation for the Far East Development, 2018 Report, pp. 12-14, 20-22]. Режим доступа: <https://erdc.ru/about/>

⁵⁵ Китай берет Сибирь в аренду. Только начало? (China Rents Siberia. Just the Beginning?) // Московский комсомолец, 17 июня 2015.

⁵⁶ China-Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy. Lora Saalman ed., 2017, SIPRI, p. 31.

⁵⁷ Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East / An International Academic Conference 5-6 June 2015, Chiang Mai University, Conference Paper, No. 34.

⁵⁸ Россия в цифрах: 2019: Крат. стат. сб. /

летениях территорий ДВФО информация об иностранной рабочей силе вообще и китайской в частности отсутствует. В эти же годы из пресс-релизов МВД и прессы Тихоокеанской России практически исчезли внятная информация о китайской рабочей силе, используемой в регионе, как и упоминания о китайских рабочих-нелегалах.

Причиной сокращения трансграничной экономической миграции из КНР лишь в малой степени была российская миграционная политика⁵⁹. Рост благосостояния населения КНР привел к тому, что работа в России стала для китайцев невыгодной и неприоритетной⁶⁰. Более того, меняется роль китайских мигрантов на рынке труда России: из положения наёмных рабочих они переходят в категорию работодателей для российских граждан⁶¹.

Росстат-М., 2019. С. 99. [Rossiia v tsifrakh: 2019: Krat. stat. sb. (Russia in Numbers: 2019). Rosstat. Moscow, 2019. P. 99.]

⁵⁹ Киреев А.А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. 2014. №4. С. 8-25. [Kireev, A.A. Vozdeistvie rossiiskoi migratsionnoi politiki na dinamiku transgranichnoi migratsii iz Kitaia. (The Impact of Russian Migration Policy on the Dynamics of Cross-Border Migration from China) // *Oikumena*, 2014, No. 4, pp. 8-25.]

⁶⁰ Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. №3. С. 61-83 [Izotov, D.A.; Motrich, E.L. Demograficheskie vyzovy dlia ekonomiki KNR (Demographic Challenges for the Chinese Economy) // *Rossiia i ATR*, 2014, No. 3, pp. 61-83.]

⁶¹ Мишук С.Н. Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 6. 2016. С. 274. [Mishchuk, S.N. Rol' kitaiskikh trudovykh migrantov v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii iuzhnykh regionov Dal'negoVostoka Rossii (The Role of Chinese Labor Migrants in the Socio-Economic Development of the Southern Regions of the Russian Far East) // *Rossiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. / Otv. red. D.V. Buiarov, D.V. Kuznetsov (Russia and China: History and Prospects of Cooperation.

Что заметно выросло, так это количество китайских туристов в приграничных районах Тихоокеанской России. В 2018 г. в Приморском крае побывали 365 тыс. туристов из КНР (при его населении менее 2 млн. чел.), в Амурской обл. – 101 тыс. (население 793 тыс. чел.), в Забайкалье – 45 тыс. (1,1 млн. чел.). В том же году туристические компании ДВФО обслужили более половины (53%) от общего числа китайских туристов, принятых российскими турфирмами⁶². За три квартала 2019 г. Приморский край посетили уже 382,4 тыс. туристов из КНР⁶³.

Однако и в росте масштабов туризма апологеты китайской угрозы также усмотрели угрозы интересам России: китайских туристов обслуживают китайские туристические и транспортные компании, они питаются в китайских ресторанах и живут в принадлежащих китайцам гостиницах⁶⁴. Явно, без этого не обходится. Китайские туристические компании с тем же энтузиазмом, что и российские, пытаются уходить от налогов, а большинство туристов предпочитают китайскую кухню европейской. Однако официальная статистика утверждает, что в 2017 г. турфирмы Приморского края обслужили 125 тыс. китайских туристов из КНР, т.е. ровно половину захавших в этом году в край туристического потока из КНР⁶⁵. В 2018 г. цифра увеличилась

Materials of international scientific and practical. conf. / Eds. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, Issue 6, 2016. P. 274.)

⁶² ЕМИСС. Государственная статистика [EMISS. State Statistics]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31598>

⁶³ Турбизнес рассчитывает заработать на растущем иностранном потоке в Приморье (Tourist Industry Expects to Capitalize on Growing Foreign Flow in Primorye) // Вестник АТОР, 6 ноября 2019. Режим доступа: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/49238.html>

⁶⁴ Алексей Козицкий: Туризм в Приморье все еще хорошо «подкармливает» китайский бизнес (Alexei Kozitsky: Tourism in Primorye Still “Feeds” Chinese Business Well) // Примамедиа, 22 марта 2019. Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/797213/>

⁶⁵ Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2018. С. 140-141 [Primorskii kraï. Sotsial'no-ekonomicheskie

до 148 тыс.⁶⁶ Только на размещение в гостиницах Приморья китайские туристы потратили в 2017 г. 3,2 млрд руб., а прямой вклад от въездного туристского потока из КНР в крае составил порядка 2 млрд руб. – 30% от оборота туристических услуг. Всего же в этом году китайские туристы, по данным Сбербанка, только через систему China Union Pay «оставили» в России 1,8 млрд руб.⁶⁷ Правда, заметно выигрывают от роста китайского туризма только две территории – Приморский край и Амурская область.

Таким образом, в реалиях Тихоокеанской России последнего десятилетия увеличения китайского присутствия, вопреки всем прогнозам начала десятилетия, не наблюдается. Фактический застой в торговле, мизерный рост и минимальная роль китайских инвестиций в производственном секторе, снижение значимости китайской рабочей силы в развитии дальневосточной экономики вряд ли компенсируются некоторым ростом доходов от китайского туризма.

Заключение

Итак, сравнительный анализ показывает глубочайший разрыв между прогнозами экспертов («усиление китайского демографической экспансии и экономического влияния»), намерениями российских и китайских политиков (участие Китая в освоении ресурсов Сибири и Дальнего Востока) и реальными масштабами китайского присутствия в Тихоокеанской России.

Политика местных властей в отношении китайского присутствия стремится к рациональности, несмотря на то, что они вынуж-

дены, с одной стороны, постоянно оборачиваться на Москву, а с другой, – стараются не попасть под обвинения со стороны местных «патриотов» в лоббировании китайских интересов. По этим причинам эти власти «вынуждены маневрировать между секьюритизированными антикитайскими нарративами России и императивами накопления» и поэтому, «несмотря на популистскую риторику, местные органы власти и предприятия часто брали любые иностранную рабочую силу и капитал, которые они могли получить»⁶⁸.

Взгляды дальневосточных экспертов на изменения во внутренней и внешней политике КНР в «новую эпоху» несут, в целом, позитивный заряд. В новых инициативах китайского руководства они видят, прежде всего, не угрозы для России или её восточных окраин, а новые шансы для их развития и задумываются о том, как воспользоваться этими возможностями. «Угроза со стороны Китая» никак не проявила себя в ходе круглого стола на тему «Системные условия обеспечения безопасности Тихоокеанской России», проведенного Центром азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН в апреле 2018 г.⁶⁹ Эксперты согласились во мнении, что «муссируемая прессой и некоторыми зарубежными экспертами тема «китайской угрозы» не находит подтверждения». Главная угроза интересам России на востоке исходит от Корейского полуострова, а также увеличения в Тихоокеанской Азии и Северной Пацифике количества угроз общего характера, затрагивающих интересы всех (или многих) региональных игроков⁷⁰.

Тревожные нотки у некоторых исследователей, конечно, присутствуют. Синдром «китайской угрозы» иногда пробивается у политологов, не являющихся специалистами по Китаю, но активно штудирующих и цитирующих работы своих западных коллег. Но главные опасения дальневосточных экс-

pokazateli: Statisticheskiĭ ezhegodnik (Primorsky Krai. Socio-Economic Indicators: Statistical Yearbook). Primorskstat, Vladivostok, 2018, p. 140-141.]

⁶⁶ Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2019. С. 131 [Primorsky Krai. Socio-Economic Indicators: Statistical Yearbook). Primorskstat, Vladivostok, 2019. P. 131.]

⁶⁷ Туристы из КНР стали больше тратить в России (Tourists from China Began to Spend more in Russia) // ЕНВ, 22 мая 2018. Режим доступа: <https://novostivl.ru/msg/27132.htm>

⁶⁸ Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East // An international academic conference 5-6 June 2015, Chiang Mai University, Conference Paper No. 34, p. 2.

⁶⁹ У карты Тихого океана. 2018. №1(249). 66 с. [U karty Tikhogo okeana (At the Map of the Pacific), 2018, No. 1 (249), 66 p.]

⁷⁰ Ibid.

пертов связаны, скорее, не с политикой Китая, а с неясными перспективами экономических связей с этой активно набирающей экономический и политический вес страной. Отсутствие внятной политики центра в отношении Дальнего Востока России при сохранении угрожающих тенденций депопуляции региона способствуют тому, что в общественном сознании актуальными остаются мифы о полном доминировании Китая на его территории⁷¹. И главные проблемы обнаруживаются не на китайской, а на российской стороне: однобокость структуры российской экономики, неповоротливость российской бюрократической машины, её неумение быстро реагировать на вызовы и возможности, порождаемые новыми тенденциями в политике Пекина.

Влияет ли синдром «китайской угрозы» на политику российской власти? По формальным показателям это никак не проявляется. По косвенным критериям – очевидно. Затягивание со строительством мостов через Амур и реконструкцией погранпереходов, реализацией проектов «Приморье-1» и «Приморье-2», игнорирование проекта Туманган, запреты на использование китайской рабочей силы, двухлетняя канитель с поиском приемлемого здания или земли под Генеральное консульство КНР в г. Владивостоке выглядит как цепочка совсем не случайных фактов.

Виртуальные фантомы «китайской угрозы», глубоко окопавшиеся в подкорке сознания российской власти, бизнеса,

рядовых граждан, атакуют побуждаемые прагматичными соображениями их же желания развивать сотрудничество с Китаем и безоговорочно побеждают. Безусловно, не только это противоречие торпедирует приграничные экономические связи. Хватает и других сугубо экономических, военно-политических и бюрократических причин. Но вот результат: реального сотрудничества (в прямом понимании этого слова) нет, оно блокируется на всех уровнях, а есть примитивный товарообмен в рамках узкой товарной группы по принципу товар – деньги – товар. Но и он в последние годы находится в застое без каких-либо внятных перспектив.

Литература:

Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: Сб. материалов. М.: РИСИ, 2011.

Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: Сб. материалов. М.: Изд. Совета Федерации, 2008.

Друзьяка А.В. Современная проблема китайской иммиграции: – как к ней относиться? *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества.* Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 7. 2017.

Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. №3. С.61-83.

Ишаев В.И. Стратегическое планирование регионального экономического развития. Владивосток, 1998. ДВО РАН. С. 115-118.

Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. С. 147-150.

Киреев А.А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. 2014. №4. С. 8-25.

Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России. М.: Московский центр Карнеги. 2013. 25 с.

Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 72-80.

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 5-19.

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2.

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX-XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014-2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. №1. С. 5-29.

⁷¹ Друзьяка А.В. Современная проблема китайской иммиграции: – как к ней относиться? *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества.* Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 7. 2017. С. 276 [Druziaka, A.V. *Sovremennaiia problema kitaiskoi immigratsii: – kak k nei otносит'sia? Rossiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva.* Materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. (The Current Problem of Chinese Immigration: How to Relate to It? / *Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of international scientific and practical. conf.* / Eds. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, Iss. 7, 2017, p. 276)].

Мицук С.Н. Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 6. 2016.

Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2018.

Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2019.

Россия в цифрах: 2019: Крат. стат. сб. / Росстат-М., 2019.

Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017.

Храмчихин А. Дракон проснулся? Внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. М.: «Ключ-С», 2015. С. 43-51.

Blank, Stephen. Pipeline to Nowhere. The Beijing-Moscow Dance Continues // *World Affairs*, 2012, March-April, Vol. 174, Iss. 6, pp. 93-100.

Bolton, K.R. Russia and China an Approaching Conflict? // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2009, No. 2.

China-Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy. Lora Saalman ed., 2017, SIPRI.

Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, Simon & Schuster, 1996.

Mankoff, J. US Perspective / *The Asan Forum*, July 25, 2014.

Nemets A.V.; Scherer J.L. China's 'Takeover' of Russia's Far East // *The World & I*, 2004, No. 2.

Pirchner, H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century // *Demokratizatsiya*, 2008, No. 4. pp. 314-317.

Raiklin, E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2008, No.2, pp. 145-204.

Rozman, G. The Russian Pivot to Asia / *The Asan Forum*, Vol. 2, No. 6, November-December 2014.

Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East // An International Academic Conference 5-6 June 2015, Chiang Mai University, Conference Paper No. 34.

丝绸之路经济带建设与中国边疆稳定和发展研究。邢广程主编。北京: 产权出版社, 2019. 164p. (Study of the Construction of Silk Road Economic Belt and the Stability of China's Borders. Xing Guangcheng ed. Beijing Chanquan chubanshe, 2019. 164 p.) (на китайском).

徐囡纒. 冷战后中国在俄罗斯民意调查中的形象分析 (Xú Guóyīng. Analysis of China's Image in Russian Opinion Polls after the Cold War) // 北京: 外交学院, 2018. pp. 43-44.

References:

Blank, Stephen. Pipeline to Nowhere. The Beijing-Moscow Dance Continues // *World Affairs*, 2012, March-April, Vol. 174, Iss. 6, pp. 93-100.

Bolton, K.R. Russia and China an Approaching Conflict? // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2009, No. 2.

China-Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy. Lora Saalman ed., 2017, SIPRI.

Dal'nevostochnyi region v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossii: problem i puti ikh resheniia. Sb. Materialov (The Far Eastern Region in the Socio-Political Space of Russia: Problems and Ways to Solve Them: Collection of materials. Moscow: Izd. Soveta Federatsii, 2008.

Druziaka, A.V. Sovremennaiia problema kitaiskoi immigratsii: – kak k nei otносит'sia? *Rossii i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. (The Current Problem of Chinese Immigration: How to Relate to It? / *Russia and China: history and prospects of cooperation*. *Materials of international scientific and practical. conf.* / Eds. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, Iss. 7, 2017.

Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, Simon & Schuster, 1996.

Ishaev V.I., Minakir P.A. Dal'nii Vostok Rossii: real'nosti i vozmozhnosti ekonomicheskogo razvitiia (The Russian Far East: Realities and Opportunities for Economic Development). Khabarovsk: DVO RAN. 1998. P. 147-150.

Ishaev, V.I. Strategicheskoe planirovanie regional'nogo ekonomicheskogo razvitiia (Strategic Planning of Regional Economic Development). Vladivostok: DVO RAN, 1998. Pp. 115-118.

Izotov, D.A.; Motrich, E.L. Demograficheskie vyzovy dlia ekonomiki KNR (Demographic Challenges for the Chinese Economy) // *Rossii i ATR*, 2014, No. 3, pp. 61-83.

Храмчихин, А. Дракон проснулся? Внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России (Did the Dragon Wake up? China's Internal Problems as a Source of the Chinese Threat to Russia). Moscow: «Kliuch-S», 2015, pp. 43-51.

Kireev, A.A. Vozeistvie rossiiskoi migratsionnoi politiki na dinamiku transgranichnoi migratsii iz Kitaiia. (The Impact of Russian Migration Policy on the Dynamics of Cross-Border Migration from China) // *Oikumena*, 2014, No. 4, pp. 8-25.

Larin, V.L. Kitai i Dal'nii vostok Rossii v pervoi polovine 90-kh: problem regional'nogo vzaimodeistviia (China and the Russian Far East in the first half of the 90s: Problems of Regional Cooperation). Vladivostok: Dal'nauka, 1998. Pp. 72-80.

Larin, V.L. Vneshniaia ugroza kak dvizhushchaia sila osvoeniia i razvitiia Tikhookeanskoi Rossii (External threat as a driving force for Pacific Russia development). Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi, 2013. 25 p.

Larin, V.L.; Larin, L.L. Vostochnaia Aziia v obshchestvennom mnenii Tikhookeanskoi Rossii (po itogam oprosa 2013 g.) (East Asia in the Public Opinion of Pacific Russia (based on a 2013 survey) // *Rossii i ATR*, 2014, No. 2, pp. 5-19.]

Larin, V.L.; Larina, L.L. Ekspertnoe soobshchestvo Tikhookeanskoi Rossii o vneshnei politike, mezhdunarodnykh otnosheniakh i razvitiia Dal'nego Vostoka (po itogam oprosa 2014-2015 gg.) (The Expert Community of Pacific Russia on Foreign Policy, International Relations, and the Development of the Far East (based on a 2014-2015 survey) // *Rossii i ATR*, 2016, No. 1, pp. 5-29.

Larin, V.L.; Larina, L.L. Kitai v obshchestvennom mnenii zhitelei Tikhookeanskoi Rossii (po itogam oprosa

2017 g. (China in the Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia (based on a 2017 survey) // *Rossiiia i ATR*, 2018, No. 2.

Larin, V.L.; Larina, L.L. Okruzhaiushchii mir glazami dal'nevostochnikov: evoliutsiia vzgliadov I predstavlenii na rubezhe XX-XXI vekov (Russia Far East View the World: the Evolution of People's Perceptions and Attitudes at the Turn of the 20-21st Centuries. Vladivostok: Dalnauka, 2011. 312 p.

Mankoff, J. US Perspective / *The Asan Forum*, July 25, 2014.

Mishchuk, S.N. Rol' kitaiskikh trudovykh migrantov v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii iuzhnykh regionov Dal'nego Vostoka Rossii (The Role of Chinese Labor Migrants in the Socio-Economic Development of the Southern Regions of the Russian Far East) // *Rossiiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. / Otv. red. D.V. Buiarov, D.V. Kuznetsov (Russia and China: History and Prospects of Cooperation. Materials of international scientific and practical. conf. / Eds. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, Issue 6, 2016.

Nemets A.V.; Scherer J.L. China's 'Takeover' of Russia's Far East // *The World & I*, 2004, No. 2.

Pirchner, H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century // *Demokratizatsiya*, 2008, No. 4. pp. 314-317.

Primorskiĭ kraĭ. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli: Statisticheskiĭ ezhegodnik (Primorsky Krai. Socio-Economic Indicators: Statistical Yearbook). Primorskstat, Vladivostok, 2018.

Primorsky Krai. Socio-Economic Indicators: Statistical Yearbook). Primorskstat, Vladivostok, 2019.

Raiklin, E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia

and the Russian Far East // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2008, No. 2, pp. 145-204.

Rossiiia v tsifrah: 2019: Krat. stat. sb. (Russia in Numbers: 2019). Rosstat. Moscow, 2019.

Rozman, G. The Russian Pivot to Asia / *The Asan Forum*, Vol. 2, No. 6, November-December 2014.

Tikhookeanskaia Rossiiia v integratsionnom prostranstve Severnoi Patsifiki v nachale XXI veka: opyt I potentsial regional'nogo I prigranichnogo vzaimodeistviia / pod red. chl.-korr. RAN, professora V.L. Larina (Pacific Russia in the Integration Space of the North Pacific at the Beginning of the XXI Century: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Interaction / ed. by Prof. V.L. Larin. Vladivostok: IIAE FEB RAS.

Vinogradov, A.V. Rossiiia v ATR: novye tseli i zadachi // *Rossiiia v ATR: problem bezopasnosti i sotrudnichestva*: Sb. Materialov (Russia in the Asia-Pacific Region: New Goals and Tasks // *Russia in the Asia-Pacific Region: Problems of Security and Cooperation: Collection of materials*). Moscow: RISI, 2011.

Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East // *An International Academic Conference 5 - 6 June 2015, Chiang Mai University, Conference Paper No. 34*, p. 2.

丝绸之路经济带建设与中国边疆稳定和发展研究。邢广程主编。北京产权出版社, 2019. 164 p. (Study of the Construction of Silk Road Economic Belt and the Stability of China's Borders. Xing Guangcheng ed. Beijing Chanquan chubanshe, 2019. 164 p.

徐帼纓. 冷战后中国在俄罗斯民意调查中的形象分析 (Xú Guóyīng. Analysis of China's Image in Russian Opinion Polls after the Cold War) // 北京: 外交学院, 2018. pp. 43-44.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015

“CHINESE EXPANSION” IN THE EASTERN REGIONS OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: THROUGH THE PRISM OF COMPARATIVE ANALYSIS

Viktor L. Larin

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 10.10.2019 <i>Accepted:</i> 10.03.2020 About the author: Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences e-mail: victorlar@mail.ru Key words: Pacific Russia; China; China threat; trade; investment; Chinese labor	Abstract: Based on the comparative method, the article analyzes the interaction of three subjective and objective realities, which occupy an important place in the contemporary Russian-Chinese relations. Virtual ideas about the scale of the Chinese presence in the Russian Far East are compared with the moods and wishes expressed by Russian authorities and population of this region regarding the involvement of China in the economic development of the region and, after that, are correlated with the realities of the economic and demographic life of the eastern regions of Russia in the second decade of the 21st century. In the first part of the article, the author identifies various sources, modern manifestations and interpretations of the “Chinese threat” phantom, analyzes the views and approaches of the Russian federal center, authorities and the population of Pacific Russia regarding the Chinese economic and demographic presence in the region. The conclusion is drawn about the generally positive attitude of both the authorities and the population regarding this phenomenon. At the same time, there are certain restrictions to close rapprochement with China which exist in the minds of the Russian authorities and the population and affect decisions and actions of local authorities and businesses, as well as a rather cool attitude of the Chinese authorities and big business towards introducing into the economy of this Russian region. The second part of the article is based on official statistics and demonstrates the realities of Chinese participation in the economic life of Pacific Russia: these are the dynamics, scale and structure of interregional trade, the volume and nature of Chinese investment in the Russian Far East, as well as humanitarian exchange and the movement of labor across the border. These statistics convincingly show the very small scale of the Chinese economic presence and influence in the region. A comparative approach allows the author to conclude that there is a deep gap between expert forecasts and unconscious Russian fears about the expansion of «Chinese expansion» in Russia, the intentions of Russian and Chinese politicians to increase the contribution of China to the development of Pacific Russia, and the real extent of this participation.

Для цитирования: Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 9-27.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015

For citation: Larin, Viktor V. «Kitayskaya ekspansiya» v vostochnykh rayonakh Rossii v nachale XXI v. cherez prizmu komparativistskogo analiza (“Chinese Expansion” in the Eastern Regions of Russia at the Beginning of the XXI Century: Through the Prism of Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 9-27.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015